

Сергей Ковалев Свидетель

<http://lib.rus.ec/b/188929>

Сергей Ковалев Свидетель

Если в лесу упало дерево и ни кто не слышал его падения — было ли падение?

Снег идет. Снег голливудски-неправдоподобными огромными хлопьями кружит в желтом свете фонарей. Черные ломкие силуэты деревьев, изогнутые синусы детских горок и уродливые деревянные персонажи детских сказок — все уравнивается в визуальных правах, обращаясь в однообразные белоснежные сугробы.

Морозно, снег громко хрустит под ногами равнодушно топчущих его девственность прохожих. Я не чувствую холода, хоть и стою неподвижно уже несколько часов. Я не вижу прохожих, а они не видят меня, спеша оказаться в тепле и уюте своих более-менее комфортабельных норок. Мне же они не интересны. Они недостойны оторвать мой взгляд от этих окон.

Я уже привык, что в это время они обязательно светятся — все пять, выстроившись одно над другим, электрической лестницей Якоба в небо. Да... Их всего пять в старом доме, выстроенном еще пленными немцами в конце сороковых — с немецкой педантичностью и старанием, позволившими дому достоять до наших дней и не только до наших достоять бы ему, если бы...

Верхнее окно светит слабее всех — плотные синие шторы закрывают его круглые сутки. Смешно, но по началу, натолкнувшись на этот сине-бархатный заслон, я воображал не весть что. Хозяин этого склепа представлялся мне то безумным ученым, превратившим свою квартиру в секретную лабораторию, то вампиром, таящимся от солнечного света. Разумеется, истина оказалась куда банальнее — квартиру на пятом этаже снимает забавная пара молодых людей — она (ди-джей в ночном клубе) и он (в том же клубе стриптизер). Именно так, а не наоборот. Ночные птицы, отсыпавшиеся весь день или предающиеся любви... и лишь вечерами суматошно собирающиеся на работу. Если бы они только вышли сегодня чуть раньше... Я знаю — этого не произойдет.

Окно четвертого этажа с самого начала не представляло загадки — тяжелые портьеры из чудовищной сиреневой парчи с еще более чудовищными золотыми цветами, собранные в вульгарные «кулисы», бессмертный фикус и декоративное лимонное деревце на окне — апофеоз современного мещанства. Хозяев этой квартиры я вычислил когда полнеющая и отчаянно сражающаяся с возрастом «нимфа» в бриджах розового цвета и норковом мантии из искусственного меха пронзительно взывала от превратившейся в сугроб «десятки»: «Витюша, возьми щетку обязательно!!!». В окне на мгновение возник невыразительный блин неопределенного пола и возраста, покорно кивнул, и, через несколько минут, выкатился вместе со столь же невыразительным тельцем предположительно мужского полу и щеткой. Очистив с «тазика» снег, супруги укатили, я же поставил мысленную галочку на против квартиры. Этот этаж мне ничего не обещает.

Чаще всего я смотрю на окно третьего этажа. Оно расположено достаточно низко, что бы давать пищу моей фантазии, к тому же на нем нет занавесок. Со своего наблюдательного пункта я вижу белый потолок с тремя мутными шарами люстры в стиле 60-х, тонкие лепные карнизы, стены теплого светлого оттенка. На стенах несколько картин — мне не видно каких именно, но, если хозяйка выдержала стиль — это должны быть какие-то светлые яркие пейзажи и натюрморты, вроде тех, что рисовали наши художники в пятидесятые — шестидесятые. Почему «она»? Нет, я не вычислил хозяйку квартиры на третьем этаже...

Даже не так... я не стал вычислять кто хозяин этой квартиры. Вполне возможно, что ею владеет пожилая интеллигентная семья «шестидесятников», пожелавшая хотя бы в своей квартире заморозить время на годах их молодости. Или там может проживать бизнесмен, достаточно «продвинутый», что бы не уродовать стены итальянскими шелковыми обоями и «настоящими персидскими» коврами. Скорее всего — второе, это ближе к реальности. Но не к моей реальности. В моей реальности я желаю, что бы в этой квартире жила Женщина. Ей где-то чуть-чуть около тридцати — плюс-минус два три года. Тициановское золото ее волос уже пронизано сединой, но она пренебрегает изысками химиков и не закрашивает серебро времени — ей все равно, она достаточно независима, что бы не стараться выглядеть моложе своих лет. Она — художник... или, может быть — писатель. Или фотограф. Или — дизайнер интерьеров. Я хочу, что бы в моей реальности эта женщина была Творцом.

А еще у нее должны быть собаки. Не комнатные болонки или отвратительные крысopodobные недоразумения, которые лишь по непостижимой воле Создателя носят название «собаки», а важные и суровые мастиффы или преисполненные графского достоинства доги. Два или три... хотя... я ни разу не видел, что бы во дворе выгуливали собак. Впрочем, я ведь наблюдаю за домом не в те часы, когда обычно их выгуливают.

Просто... когда я смотрю на окна третьего этажа, мне отчетливо видится, как Женщина расположилась в кресле с книгой (обязательно — чем-нибудь странным, может быть — Мисимой. Но ни в коем случае — не с Мураками. Нет, нет!!!), бокалом красного плотного вина, и у ног ее дремлют большие умные псы.

Я хочу войти в подъезд, подняться на третий этаж и постучать в ее дверь. Но я не могу. Это бесполезно.

Распахивается окно второго этажа и на весь двор разносится вечное «Саааааша! А ну домой, кому сказали!!!» и не менее вечный ответ откуда-то из глубины двора: «Ну мааам, ну еще немножечко!!!» Я складываю пальцы крестиком — пусть сегодня в этой семье будет праздник непослушания. Пусть незнакомый (незнакомая) мне Саша погуляет «еще немножечко». Но я знаю, что это тоже бесполезно.

Так же бесполезно вбегать в подъезд и звонить в разноголосые звонки. Колотить кулаками и ногами в двери. Кричать. Плакать. Проклинать.

Бесполезно взывать к Богу или к Сатане. Это — особенно бесполезно. Это я понял еще тогда... когда вспоминал московский снег каждую ночь...

Кто-то сказал, что не бывает атеистов в окопах под огнем. Не помню кто, да и не важно — потому что не так это. В окопах можно оставаться атеистом, пусть даже и под огнем. Страшно только первое время, страшно — до потери разума. И тут не до веры, тут просто писк загнанного животного и безумное желание жить. А потом — привыкаешь. Подумаешь — пули над головой. Вот к жаре трудно привыкнуть, почти невозможно. Или к песку вездесущему, который забивается везде, в любые складки одежды, натирает, особенно — ноги, словно наждаком стачивает до кости. Становишься совсем дурным от этой жары и песка — на второй неделе начинаешь понимать, почему они здесь все такие бешеные. И сам становишься таким же. Потому что — все равно, потому что — в аду все грешники. Потому, что не веришь уже ни в Ад, ни в Страшный суд, потому что — что бы там ни было, хуже все равно не может быть. Сначала трясешься как желе, надеясь, что пули именно из твоего автомата уходят «в молоко», потом надеешься, что именно из твоего автомата был убит вот этот, бородатый, с особенно мерзкой рожей. Потом становится все равно какая у него рожа. Потом — кого, собственно, ты убил и как. Держал ли твой противник в руках автомат, или это был немощный старик, женщина, ребенок... Убивай всех, Бог заберет своих — у меня теперь много времени для чтения исторических сочинений.... Какой Бог? Наш или их? Да есть ли он?

Можно оставаться атеистом под огнем. Но невозможно — лежа с простреленным животом и бессильно наблюдая, как вездесущий песок покрывает разорванные внутренности коркой грязи. Слишком много боли. Я не мог вместить ее и не было мне утешения — я не верил в Бога, а поверив — возненавидел. Я хотел так мало — не испытывать эту боль и снова

когда-нибудь увидеть снег.

Я сам этого хотел. Не чувствовать боли. Не принимать участия. Не переживать свои и чужие страдания. Устраниться. Стать свидетелем, а не участником.

Я проклял Его.

И тогда Он исполнил мое желание.

Я больше не чувствую боли.

Я не чувствую голода и жажды.

Я не чувствую жару и холод...

Я не чувствую ничего — ни вкуса, ни запаха, ни ненависти, ни любви.

Снег не тает на моем лице, я чувствую прикосновение снежинок к коже, но это прикосновение не доставляет мне ни удовольствия, ни раздражения.

Я могу чувствовать только пустоту, когда в очередной раз...

В квартире на первом этаже просыпается человек. Я знаю этого жильца очень хорошо — на его окнах тоже нет занавесок и весь его убогий быт всегда на виду. Он уже переступил ту грань, за которой человек перестает стыдиться себе подобных. Он идет на кухню, с трудом переставляя ноги в древних «трениках» с отвислыми коленями. От выпитой днем паленой водки его тошнит. И от газа. Он наглотался его во сне, но не достаточно, что бы во сне же и умереть. Хлопает дверь подъезда — это возвращается домой Саша. Он находит на кухне папиросу, достает спички, зажигает... Собравшийся в квартире газ детонирует, превращая ее в бомбу объемом в несколько кубометров.

Я поворачиваюсь спиной к развороченной стене дома, просевшим перекрытиям, по которым уже бегут языки пламени, к мешанине камней и человеческой плоти. Кто-то бежит от места взрыва, кто-то — наоборот, меня толкают, но не замечают. Меня невозможно увидеть или услышать... Теперь я могу уйти, я выполнил свой долг. Я испил свою чашу.

Я засвидетельствовал жизнь и смерть этих людей.

Я — Свидетель.

«И сказал Господь змею: проклят ты перед всеми скотами и перед всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве своем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей»